

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

СМЕХ ПО УМЕРШИМ

Когда мы раздумывали, с чего начать разговор на эту тему, нам вдруг пришёл на ум эпитафия к роману Набокова: “Дуб – дерево. Роза – цветок. Олень – животное. Воробей – птица. Россия – наше Отечество. Смерть неизбежна” (П. Смирновский “Учебник русской грамматики”). Скорее всего, Набокову понравилось экстравагантное сочетание нескольких банальностей. Тем более что такая в некотором роде сюрреалистическая экстравагантность содержалась в хрестоматии по родной речи. Нас этот эпитафия тоже в своё время позабавил. Потому, наверное, и запомнился. Но сейчас мы привели цитату с другой целью – ради последнего трюизма. Действительно, смерть неизбежна, и сия трагическая неизбежность во все времена была одной из ключевых тем в жизни любого человека и любой человеческой цивилизации.

Естественно, не претендуя на серьёзное научное исследование, мы хотели бы поделиться некоторыми соображениями на эту тему. Христианство утверждает, что смерть – лишь переход из жизни временной в жизнь вечную. И наши благочестивые предки не просто имели теоретические знания об этом, но и заранее готовились к такому серьёзному перемещению.

“Избави мя от внезапной смерти...”

Внезапная смерть считалась, в отличие от представлений многих современных людей, отнюдь не предпочтительной, а наоборот. Французский историк и демограф Филипп Арьес (1914–1984) пишет в книге “Человек перед лицом смерти”, принесшей ему широкую известность: “В Средневековье низкой и позорной была не только внезапная и абсурдная смерть, но также смерть без свидетелей и церемоний, как, например, кончина путешественника в дороге, утопленника, выловленного в реке, неизвестного человека, чьё тело нашли на краю поля, или даже соседа, сражённого молнией без всякой причины... Это представление было очень древним” (М., “Прогресс”, “Прогресс-Академия”, 1992. С. 42–43). “По мнению Гийома Дюрана, епископа Мендского (XIII в.), – продолжает Арьес, – умереть скоропостижно – значит “умереть не по какой-либо явной причине, но по одному только произволению Божьему”.

В России похожие обычаи сохранялись и в более поздние времена. Утопленникам и удавленникам отказывали в погребении на кладбищах. Умерших внезапно на улицах или убитых в дороге хоронили в специальном убогом доме. К людям, сражённым молнией, отношение было тем более отрицательное. Это мы знаем из жития Св. отрока Артемия Веркольского. Его вообще отказались предать земле. А чтобы тело не растерзали хищники, его прикрыли хворостом и берестом.

Сомнительной, нехристианской кончиной казалась даже смерть во время игры. Причём не в карты или в кости, а в гораздо более невинные игры. Как написано у Арьеса, “в мяч или шары”. Уже упомянутый епископ Гийом говорил, что такой покойник “**может** быть похоронен на кладбище, ибо не помышлял причинить зло кому бы то ни было”. Само словосочетание “может быть” (а не “должен”) предполагает наличие полемики. Кто-то, следовательно, считал это недопустимым. А кто-то предлагал промежуточный вариант: “Поскольку он предавался развлечениям мира сего, то иные говорят, что он должен быть похоронен без пения псалмов и других погребальных обрядов” (там же. С. 43). Правда, в Европе это было давно, в XIII веке.

А спустя пять веков уже не в Европе, а в России молодую женщину, которую теперь весь православный мир знает как блаженную Ксению Петербургскую, так потрясла внезапная кончина её мужа, что она приняла на себя тяжелейший подвиг юродства, раздала имущество, осталась бездомной, терпела лишения, насмешки, лютый холод – все ради облегчения его смертной участи.

“Иисусе Сладчайший, – молятся православные, – избави мя от внезапной смерти и сподоби христианской кончины”; “О Пресвятая Госпоже, Владычице моя Богородице, Небесная Царице! Спаси и избави мя, грешного раба Твоего, от клеветы, от всякой беды и напасти и внезапные смерти и даруй мне прежде конца покаяние”.

Внезапная смерть страшна для христианского сознания именно тем, что душа уйдет неподготовленной, неочищенной. О том, как серьёзно, как обстоятельно готовились верующие люди к смерти, много рассказывал духовный писатель С. Нилус, творивший на рубеже XIX–XX веков. Основой служили и личные наблюдения, и рассказы собеседников, и записи, которые он разбирал, работая в монастырских архивах. Да и в “Раковом корпусе” Солженицына – а это уже вторая половина XX века! – про стариков, рождённых явно до революции, написано: “Сейчас, ходя по палате, он вспоминал, как умирали те старые в их местности на Каме, – хоть русские, хоть татары, хоть вотяки. Не пыжились они, не отбивались, не хвастали, что не умрут, – все они принимали смерть **спокойно**. Не только не оттягивали расчёт, а готовились потихоньку и загодя, назначали, кому кобыла, кому жеребёнок, кому зипун, кому сапоги. И отходили облегчённо, будто просто перебирались в другую избу”. Обратите внимание: Солженицын вроде бы не затрагивает религиозный аспект вопроса и намеренно подчёркивает разную национальность стариков. Но и в этом тексте есть образ перехода куда-то в другое место (“в другую избу”). Перехода, осуществляющегося без какой-либо аффектации. Такую смерть Арьес называл “прирученной”, а наша немецкая коллега, изучавшая историю разных культур, – “интегрированной в жизнь”.

– В традиционных обществах – у вас, в России, или в Мексике, – сказала она с плохо скрываемым чувством превосходства цивилизованного человека над дикарями, – смерть пока ещё интегрирована в жизнь. А у нас развита общество. В нём смерть вынесена за пределы жизни.

“Жизнь продолжается!”

Тогда, в середине 90-х, мы не очень с ней согласились, поскольку у нас, выросших при госатеизме, совершенно не было такого ощущения. Нет, тема смерти, конечно, звучала и в кино, и в стихах, и в романах. Но подавалась она в определённом ракурсе, работая на советскую идеологию: пропаганду патриотизма, революционной героики, военного подвига. Поскольку внушалось, что Бога нет и что загробная жизнь была придумана угнетателями для оболванивания народа, акцент переносился на другие перспективы. Воспевалась гибель ради светлого будущего, ради блага человечества, “ради жизни на Земле”.

В быту же о смерти старались не говорить. Жили так, как будто её нет. Что отвечали маленькому ребёнку, дозревшему годам к пяти-шести до рокового вопроса: “Мама, а мы тоже умрём?”

– Не волнуйся, – спешили утешить его. – Это ещё не скоро. И к тому времени обязательно изобретут лекарство, чтобы люди никогда не умирали.

А как старались скрыть от ракового больного диагноз! Врачи даже в истории болезни его шифровали, чтобы не напугать. В 60–70-е годы, когда по-

шёл рост онкологических заболеваний, медицина ещё не достигла особых успехов в их лечении, и такой диагноз воспринимался как смертный приговор. Поэтому больного до последнего вздоха уверяли, что у него воспаление лёгких, язва или радикулит (в зависимости от локализации опухоли) и рисовали радужные картины жизни после выздоровления. В безбожном обществе такая ложь была актом гуманизма, проявлением милосердной любви к умирающему. Действительно, что ему было сказать, если Бога и загробной жизни якобы нет, а психологически к уходу в небытие человек не готов?

Внезапная, мгновенная смерть, когда даже не успеваешь понять, что происходит, стала восприниматься многими как безусловное благо, большое везенье. И родственников утешали уже по-новому, не по-христиански, торопились переключить на мысли о будущем. Дескать, мы соболезнуем вашей горькой утрате, но жизнь продолжается, надо смотреть вперёд.

Очень характерно признание одного известного диссидента-шестидесятника. “Обо всём мы с ним успели поговорить. Только о смерти не говорили”, – признался он, вспоминая своего ближайшего друга и единомышленника. А ведь и тогда, и много позже – мы это хорошо помним! – интеллигенция, собираясь на кухнях, часами говорила и спорила на самые разные темы. Но тему смерти – своей или кого-нибудь из своего ближайшего окружения – и вправду обходили стороной. Поэтому, когда она вдруг кого-то настигала, это обычно заставало всех врасплох. И только чья-нибудь пожилая родственница (как правило, деревенского происхождения) знала, что полагается делать в этой ситуации, и наставляла растерявшихся близких, как надо завесить зеркала, как приготовить кутью, кто может нести гроб, а кто – нет...

Конечно же, за всеми этими фигурами умолчания и дежурными восклицаниями, что жизнь продолжается, таился страх. Ведь и смерть, если можно так сказать, продолжалась. А безбожный оптимизм не давал на сей счёт настоящего утешения. Страх всё равно выползал из своего укрытия под разными псевдонимами. Недаром тогда было столько споров о смысле жизни и прямо-таки невротическое стремление оставить после себя хоть какой-то след. Разумеется, по сравнению с бездумно-утробным существованием, столь пропагандируемым в наши дни, это нечто гораздо более возвышенное. Но спорить о смысле жизни, пребывать в судорожных поисках истины можно только в мире, отвергшем Христа. Христиане не спорят о смысле жизни, потому что знают: он в спасении души. И не стремятся любой ценой оставить после себя хоть какой-то след (пусть даже это будет слава Герострата!), страшась кануть в небытие, а, ища спасения, стараются исполнять наказ Псалмопевца: “Уклонися от зла и сотвори благо” (Пс. 33:15). То есть это иная система координат. След тут не самоцелен. Хотя, конечно, он остаётся. Яркий пример этой иной системы координат являет собой житие святого праведного Симеона Верхотурского. Когда спустя 50 лет после кончины праведника его гроб чудесным образом поднялся из земли, все уже позабыли о том, что он когда-то жил в тех краях. Никто даже имени его припомнить не мог! Дошедшие до нас сведения о нём крайне скудны, он не оставил практически ничего, что подходило бы под определение “след”: ни потомства, ни наследства, ни записок, – ничего. Да и добрые дела он творил втайне, избегая славы суетного мира, поэтому памяти о них среди людей тоже не сохранилось. Но только среди людей, а не у Бога. Господь же его прославил, и в современной России Симеон Верхотурский – один из любимейших, широко почитаемых святых!

Вопросы санитарного контроля

Но вернёмся к нашей немецкой коллеге. Прошло время, и мы начали лучше понимать, что имела в виду Марта. В первый раз упомянув о ней, мы сразу перешли к отрицанию её сентенции касательно традиционной “интеграции смерти” в жизнь нашего общества. А ведь она во многом была права. Смотря с чем сравнивать! Она-то глядела на Россию из своего “прекрасного далека” и какие-то вещи ей были виднее.

– У нас часто не приглашают на похороны друзей, так как нельзя нарушать их хорошее настроение, – сказала она. – Даже родственников почти не извещают, за исключением самых близких. А у вас, наоборот, стараются,

чтобы пришло побольше народу. После кладбища зовут на поминки. Я тут прочла у одного этнографа, что вы зовёте даже малознакомых людей, если они пришли на кладбище. А ведь это создаёт дополнительные экономические проблемы... И ещё, помню, там было написано, что даже неверующие у вас поминают умершего на девятый и сороковой день. И снова накрывают стол!

А многие, добавим от себя, собираются в день смерти родственника или близкого друга каждый год. Кто-то даже дважды в год – в день кончины и в день рождения.

Приведём фрагмент разговора с другим иностранцем, новозеландским философом. Он тоже усмотрел в нашем отношении к смерти непривычную для современного западного человека традиционность, чуть ли не архаику.

– Я недавно был приглашён на похороны одного моего русского друга... У вас принята такая дикость или это частный случай?

– Что Вы имеете в виду? (Мы подумали, вдруг кто-то напился, не дожидаясь поминок.)

– Все присутствующие выстроились у гроба и по очереди целовали покойника в лоб, на котором была белая полоска бумаги. (Имелся в виду венчик. – **И. М., Т. Ш.**) Конечно, бумага в какой-то степени защищает от прямого контакта с кожей, но это всё равно не гарантия!

Снова вспомним нашу коллегу Марту. Она в разговоре о том, у кого смерть интегрирована в жизнь, а у кого – нет, спрашивала нас про обряд последнего целования: мол, действительно ли всё происходит так негигиенично. А мы, в свою очередь, поинтересовались, остался ли подобный обряд у них.

– Что вы, что вы! – испуганно замахала руками немка. – У нас такое просто немислимо! Мы очень серьёзно относимся к вопросам санитарного контроля.

Чуть позже от другой немки мы узнали, что во многих местах из соображений “санитарного контроля” гроб на время прощания накрывают специальной прозрачной крышкой. А ведь ещё недавно европейцы совсем иначе прощались с умершими... Классическая картина: покойник в доме, подле него – скорбные фигуры близких, бдение у гроба в ночь перед похоронами. Убитая горем мать поливает слезами и осыпает поцелуями бездыханное тело сына. Рыдающую жену не могут оторвать от супруга – вне себя от горя, она не в силах с ним расстаться, не хочет, чтобы его предавали земле... А обычай носить траур, даже лицо закрывать чёрной вуалью?... Где тут санитарные фобии? Где отделённость жизни от смерти?

Фрагменты истории

Хотя ничего не бывает на пустом месте. В истории Европы были разные периоды. В XVIII веке Париж не просто страдал от фобий. Его охватила настоящая паника по поводу кладбищенской заразы. В главе “Блезнетворность кладбищ: врачи и парламенты” Арьес рассказывает про аббата Ш. Поре, который в 1745 году призвал запретить многовековую традицию погребения внутри церкви и вообще вынести кладбища за город, чтобы обеспечить в городах здоровый воздух и чистоту. Он был не единственным, кто ратовал за “отделение от смерти”, о котором 250 лет спустя нам сказала наша немецкая коллега.

В 60-е годы XVIII века, “когда приход Сен-Сюльпис в Париже пожелал устроить новое кладбище вблизи Малого Люксембургского дворца, – пишет Арьес, – его владелец, принц Конде, решительно воспротивился. Генеральный прокурор не только признал правоту принца, но и призвал должностных лиц города обратить внимание на проблему новых кладбищ и их размещения. Соседство с могилами небезопасно для живых в густонаселённых кварталах, где высокие дома препятствуют циркуляции воздуха и рассеиванию нечистых испарений. Стены домов пропитываются зловонием и вредоносными соками, что служит, быть может, неведомой причиной болезней и смертей жильцов. Впоследствии врачи скажут об этом ещё увереннее, чем прокурор” (там же. С. 392).

В Париже развернулась широчайшая антикладбищенская кампания. Сохранились протестные петиции из кварталов, прилегающих к кладбищам, памятные записки магистратов, сочинения врачей, которые стали в это время настоящими властителями дум. Врачи публиковали трактат за трактатом, до-

казывая, как опасно жить вблизи кладбищ, и апеллируя при этом к якобы научной теории воздуха. Так что основы “гринписовского” мышления закладывались уже тогда!

“Заражение воздуха, — утверждал медик П. Г. Навье, — происходит и при перенесении останков с места их первоначального захоронения в погребальные галереи. Поэтому при погребениях и эксгумациях полезно зажигать огни, раскладывать большие костры, создающие очистительные потоки воздуха. Тех же спасительных результатов можно достичь и взрывами пороха. Воздух кладбищ портит всё вокруг: не только здоровье людей, живущих поблизости, но даже продукты и вещи в их чуланах” (там же. С. 393). Вскоре почти все жители Парижа были убеждены в безвредности кладбищ, и в 1763 году парижский парламент принял постановление. “Самым сухим и официальным тоном, — пишет Арьес, — постановление, проникнутое стремлением к чистоте, гигиене и порядку, требует закрыть все существующие в городе кладбища и создать за пределами Парижа восемь больших некрополей, где каждый приход имел бы одну общую могилу для всех его обитателей. В самом же городе оставались бы лишь помещения при церквях, куда после отпевания складывали бы тела умерших. Каждый день погребальные повозки разъезжали бы по городу, собирая трупы, положенные в гроб или зашитые в саван, с прикрепленным к ним номером прихода. Их отвозили бы на одно из коллективных кладбищ, где и хоронили бы в соответствующих братских могилах” (там же. С. 394–395).

Причём посещать эти некрополи не рекомендовалось, исходя из тех же гигиенических соображений. Однако общество, хотя и было убеждено, что кладбища угрожают здоровью парижан, всё-таки не пришло в восторг от радикализма постановления. Духовенство не хотело отказываться от захоронения при церкви, людям хотелось присутствовать при погребении близких. Идея, что это будет совершаться тайком, силами муниципальной полиции, их возмущала. В обществе ещё сохранялось некое равновесие между эгоистическими фобиями и чувством любви и долга. В конечном счёте, постановление 1763 года не было исполнено, но кампания за удаление кладбищ из городов продолжалась.

От романтизма к постмодернизму

Однако XIX век с его романтической настроенностью привносит в тему смерти новые мотивы. Соображения здоровья и гигиены куда-то улечиваются, а на первый план выходят возвышенные чувства любви, дружбы, верности, сострадания. Люди часто навещают могилы близких, беседуют с ними, утешаются мыслью о встрече на небесах.

Жаль, что мы растерялись в разговоре с новозеландским философом про “дикий обычай” последнего целования покойника и не попросили прокомментировать сцену из широко известного диалога романа Ш. Бронте “Джейн Эйр”. В этой сцене четырнадцатилетняя Хелен, которая учится в закрытой школе, больна чахоткой (так в старину называли туберкулёз, болезнь весьма заразную). Но Джейн Эйр это не смущает. Она хочет проститься с подругой, поцеловать её перед смертью. Джейн проникает в комнату, где лежит умирающая. Дальше — выразительная цитата: “Я ждала Хелен в своих объятиях. Она казалась мне дороже, чем когда-либо прежде. Я чувствовала, что не могу её отпустить. Я положила голову ей на плечо. Тут она сказала:

— Как мне хорошо! Последний приступ кашля меня немного утомил. А теперь я чувствую себя так, будто засыпаю. Не оставляйте меня, Джейн. Я люблю, чтобы вы были со мной.

— Я останусь с вами, Хелен. Никто не разлучит меня с вами.

— Вам тепло, дорогая?

— Да.

— Доброй ночи, Джейн.

— Доброй ночи, Хелен.

Она поцеловала меня, и мы вместе уснули”.

Наутро директриса, явившись в комнату Хелен, увидела, что Джейн Эйр спит, положив голову подруге на плечо, а подруга уже мертва.

Но в том же самом 1847 году, когда был написан роман “Джейн Эйр”, другой английский писатель, классик мировой величины Чарльз Диккенс на-

писал поистине провидческую повесть “Одержимый, или Сделка с призраком”, в которой предвосхитил события лет этак на 150, во всей красе показав, как быстро теряют человеческий облик люди, когда они отказываются от скорбных, горестных воспоминаний и хотят думать только о хорошем. Каким же даром прозрения надо было обладать, чтобы в те времена так ярко, так психологически точно изобразить картину столь рекламируемого ныне “позитивного мышления”!

В последние годы установка на то, что веселиться надо везде и всегда, распространяется даже на похороны. Вот маленькая цитата из письма одной пожилой эмигрантки, живущей в Западной Европе. Она пишет о новой услуге некоторых похоронных фирм, которые “решили, что негоже-де людям огорчаться и плакать во время похоронной церемонии, а посему придумали новый трюк: пригласили клоунов, которые успешно смешили родственников и друзей. Чтобы было не так грустно, а, наоборот, весело”. “А мне, — пишет автор письма, — от такого “веселья” делается жутко”.

Нам тоже, хотя здесь приглашение клоунов пока ещё в списке ритуальных услуг не значится. По крайней мере, мы о подобном не слышали. Но кое-какие подвижки в эту сторону налицо. Уже стало привычным провожать гроб с артистом в последний путь аплодисментами. Помнится, когда мы это первый раз увидели, была реакция оторопи. Да, логически рассуждая, конечно, можно сказать, что это как бы завершение спектакля. Спектакля жизни. Занавес. Аплодисменты. Но ассоциация-то какая? Аплодисменты — знак одобрения, а то и восторга. Что в данном случае одобряют коллеги-артисты? Что вызвало их восторг? Смерть товарища? Или они решили, что покойник в гробу — его последняя роль? Но это не роль, не театр, не спектакль, а настоящая смерть. Случай, про который можно сказать словами Пастернака: “И тут кончается искусство, и дышат почва и судьба”.

А вот пример, когда дело не ограничилось аплодисментами вслед выносимому гробу. Из статьи в газете “Коммерсант” за 1 декабря 2006 года (№ 225), посвящённой похоронам одной известной актрисы: “Вчера в Центральном доме актёра прощались с актрисой (далее в тексте её имя. — И. М., Т. Ш.). О ней вспоминали, улыбаясь. Говорили, что актриса не простила бы грусти... В зале для панихиды о ней вспоминали так, что слёзы сентиментальных быстро высыхали”.

То есть шутили? От чего в подобной ситуации могли высохнуть слёзы? Если говорят что-то проникновенное, трогательное или патетичное, как принято на гражданской панихиде, слёзы, как правило, не высыхают, а, наоборот, выступают даже у тех, у кого до прощальных речей глаза были сухими. Но продолжим цитирование: “Дочке <актрисы> было очень грустно, но она старалась сохранять присущую этой семье улыбку... Александр Градский признался, что не станет говорить слезливых слов: “Потому что умерла не актриса. Умерла моя подруга... У нас была большая компания, мы очень веселились...” В холле Дома актёра было накурено. Здесь говорили о страстности актрисы и её чувстве юмора...”

Улыбка и юмор — прямо-таки смысловой рефрен этой заметки. Такое впечатление, что даётся новый императив: “Слезам на похоронах — нет, улыбке — да!” Так что клоуны в разноцветных колпаках не за горами...

Радовались, судя по отзывам другой журналистки (см. “Московские покойники станут ближе к Богу”, “Комсомольская правда”, 8 октября 2003 года) и на московской выставке “Некрополь — 2003”. “Внутри павильона, — пишет М. Кирсанова, — блестят лаком абсолютно новенькие гробы. По стенам развешаны венки и ленты. В углу сгрудились памятники. И среди всего этого “великолепия” чинно прогуливающиеся люди в чёрных костюмах жмут друг другу руки, улыбаются. Смерть здесь кажется такой близкой, что ничего, кроме радости, просто не остаётся”. На выставке предлагались (опять цитируем) “экзотические услуги: невероятным успехом пользовалось ... космическое похоронное бюро. Покойника предлагали отправить на земную орбиту или даже на Луну. Вы спросите: “Как?” — Это дело техники. Прах помещается в капсулу, отправляется на космическом корабле и вместе со ступенью корабля выбрасывается в атмосферу, где сгорает. За 1 грамм праха просили 995 долларов, за 7 — 5300. В общем, был целый прејскурант”.

Впрочем, и тут мы ещё не догнали “продвинутые” страны, где (цитируем уже третьего журналиста) “люди больше не хотят отходить в мир иной так же,

как миллионы усопших до них: в традиционном гробу, с печальным отпеванием и слезливыми речами на кладбище”. В обильно иллюстрированном журнале “Всё ясно” (№ 09, сентябрь 2006 года) даются фотографии оригинальных гробов, которые американский креативный класс выписывает из Ганы, специализирующейся на такой услуге. Гроб в виде телефона Nokia, бутылки “Кода-колы”, кроссовок, ананаса или банана, акулы, пистолета, ящерицы... Тематика разнообразна и готова удовлетворить самый причудливый вкус. И снова звучит тема веселья: “В африканской стране Гане, — пишет корреспондент, — весёлые похороны давно в порядке вещей. Умерших опускают в землю в ярко раскрашенных “тематических” гробах, а безутешные родственники в это время пляшут и поют”. “В США, — продолжает автор, — похороны всё больше напоминают светское мероприятие. Поминки по одному заядлому гольфисту устроили в гольф-клубе, и пепел усопшего развеяли над полем для игры. “Потому что сюда, а не в церковь ходил он каждое воскресное утро”, — пояснили родственники”.

Оригинальные нововведения

Приведя цитату про того, кто вместо церкви исправно ходил в гольф-клуб, мы вспомнили, что кое-где и церковь уже вовлечена в новые погребальные ритуалы. (Хотя в буквальном смысле погребальными их не назовёшь: погребение как таковое отсутствует.)

Центр Стокгольма. Батюшка приводит нас во двор огромного, когда-то католического, а ныне протестантского собора, где часть флигеля арендована Русской Православной Церковью, и устроен крохотный храмик.

— Погода солнечная... и завтра такая будет, — изрекает батюшка с какой-то не соответствующей этому метеорологическому прогнозу раздумчиво-печальной интонацией.

— Так это ж хорошо! — недоумеваем мы.

— Кому хорошо, а кому и не очень, — произносит батюшка, не меняя интонации. — Завтра воскресенье, литургия... А тут загорать будут, — он показал на аккуратно подстриженную лужайку напротив входа в храм.

— Люди выйдут после службы, только причастились — и сразу искушение: тётки без лифчиков разлеглись. Шведы, знаете, как солнышко ценят? Оно ведь тут редкий гость.

К моменту разговора наша поездка по Скандинавии близилась к концу, поэтому нельзя сказать, что это сообщение сразило нас наповал, поскольку за две недели всякого довелось навидаться и послушаться. Не тратя времени на бессмысленные в данном случае восклицания “Какой ужас! Какой кошмар!”, мы попытались внести конструктивное предложение.

— А Вы попросите их перебазироваться на соседнюю лужайку. Двор-то большой.

— Нет, — вздохнул священник. — На соседней лужайке не получится. Там по воскресеньям развеивают прах покойников.

А мы-то мгновение назад возомнили, что нас ничем не удивить!

— Что? Прямо тут? Зачем?

— Из соображений экономии. Ни на урну не тратишься, ни на захоронение.

Мы, конечно, понимали, что шутки здесь не уместны, но информация всё же “зашкаливала”. Тем более, что, проходя за несколько минут до беседы с батюшкой мимо той лужайки, мы не заметили никаких подтверждений его слов: ни креста, ни таблички, ни венков. Вообще ничего. Это была точно такая же лужайка, как и перед входом в церквушку-флигель.

Мы ступили на лужайку, неотрывно глядя под ноги с уже иной степенью внимания. И, наконец, обнаружили маленький, робкий след — тощий, пожелтый букет васильков. Он лежал с краешку, не приметно. Должно быть, человек, его принесший, не хотел омрачить ничьего хорошего настроения своим скромным знаком скорби...

Но и это ещё не предел. Некоторые особо практичные европейцы предлагают делать из покойников... удобрения. Шведский биолог Сюзанна Вииг, работавшая эту “новейшую технологию”, — запатентованную, к стати, уже в 35 (!) странах, — заявляет: “Сама природа задумала так, что умершие должны лежать в земле. Родственники скончавшихся могут вырастить на их прахе

цветы или добавлять останки покойников в качестве удобрения практически под все садовые культуры растений”.

Другие, особо креативные (к примеру, Гюнтер фон Хагенс), уже делают из покойников мебель. Третьи – тоже творческие личности – устраивают оригинальные экспозиции, в которых натуральные трупы предстают в виде скульптур. Есть одиночные, есть групповые. Кто-то на лавочке, кто-то на велосипеде, кто-то за шахматной доской... А любители юмора учредили в 1993 году так называемую премию Дарвина – за самую нелепую смерть. При чём тут Дарвин? Создатели премии отвечают: “Натуралист Чарльз Дарвин установил эффект естественного отбора, суть которого в том, что выживают наиболее приспособленные. В честь этой гипотезы... мы ежегодно вручаем премию Дарвина индивидам, которые предложили наибольшие усилия для того, чтобы улучшить генофонд земли. Мы награждаем тех, кто уничтожил себя наиболее глупым способом... Мы воздаём должное тем, кто находит оригинально идиотские способы самоуничтожения и таким образом помогает устранить слабости генофонда”.

Есть ещё производители детских кукол, изображающих трупы со следами разложения. А директор начальной школы японского города Сайтама решил порадовать ребятишек весёлой песней, где фигурировали слова “череп”, “катафалк”, “Дракула”, “мертвец”. И кончалась она на весёлой ноте: “Ну, а теперь давайте все умрём!”

И еще из истории...

– Ладно, хватит! – прервёт, не выдержав столь “густой” фактологии, читатель. – Вы лучше скажите, что это всё за жуть? Они там все с ума посходили или как?

С одной стороны, конечно, в здравом уме и твёрдой памяти подобные вещи вытворять не будешь. Но это банальное умозаключение мало что объясняет и, пожалуй, как ни странно, даже затуманивает картину. Возникает впечатление, будто все это явилось неожиданно, взялось с потолка, случилось вдруг. Но если немного углубиться в историю, то мы увидим, что многое из описанного и перечисленного нами – это в каком-то смысле повторы. Нет, не точные копии, но вполне узнаваемые подобию, аналоги. Скажем, известный архитектор начала XIX века Пьер Жиро, построивший Дворец правосудия в Париже, представив свой проект кладбища на конкурс, объявленный Французским институтом, предложил помимо архитектурной идеи превращать трупы в стекло и делать из них медальоны. Опустим множество деталей этого, как теперь выражаются, “гуманитарного проекта”. Скажем лишь, что автор продумал его до мелочей. И не только технологическую сторону, но и социально-экономический аспект. Дело в том, что так называемая “витрификация” (превращение покойников в стекло) выходила очень затратной, поэтому Жиро, как истинный гуманист, задумался о бедняках. И придумал: “Люди менее состоятельные, которые не могли бы оплатить стоимость витрификации, однако желали бы иметь по крайней мере скелет предмета своей привязанности, вправе были бы его потребовать, и им его выдадут при условии оплаты издержек на растворение плоти” (цит. по Ф. Арьес. С. 419). Даже оборванцы, у которых в кармане ни сентима, не были забыты. Парижский зодчий предлагал им своё утешение. Из “невостребованных” (то есть невыкупленных) скелетов можно изготавливать колонны кладбищенского портика или иные памятники, украшающие галереи.

Прагматик Жиро был не одинок в своих поисках. Задолго до него вопросом эффективной утилизации человеческих останков озаботилась европейская медицина. “Трупы рассматривались как сырье для изготовления очень действенных лекарств, – пишет Арьес. – Пот, выступивший на теле умершего, считался хорошим средством против геморроев и всяких опухолей... Бульон из обломков иссохшего черепа, истолчённых в порошок, призван был облегчить страдания эпилептика... Кости скелета рассматривались как средство их профилактики” (с. 304-305).

А вот свидетельство эпохи французской революции. О том, что творилось в провинции Вандея, впоследствии старались не вспоминать. Слишком шокирующие подробности выплывали наружу. Однако в конце XX века архивы, ко-

торые 200 лет были засекречены, стали доступными для изучения. По словам французского историка, который выступал с докладом на фестивале “Триалог” в Таллине осенью 2012 года, с вандейцев сдирали кожу и далее поступали очень хозяйственно: изготавливали из неё обмундирование для солдат. А в местности Клиссон солдаты вкопали в землю котёл, положили на него решётки и на них сожгли 150 женщин. Вытопленный жир – не пропадать же добру! – аккуратно собрали и выслали в Нант. “Это был жир высшего качества, – вспоминал позднее один из участников событий. – Его использовали в госпиталях”.

Куклы-мертвецы с признаками разложения тоже имеют свои культурно-исторические аналоги. Речь о весьма специфическом феномене *macabre*, представляющем собой реалистичное изображение разлагающихся трупов. “Именно наполовину разложившийся труп станет <в XIV–XVI веках> наиболее частым типом изображения Смерти”, – говорит уже не одиножды цитированный нами Арьес. Изображения эти не только рисованные (фрески и т. п.), но и скульптурные. Полуразложившийся труп можно увидеть не некоторых надгробиях. Конечно, надгробная скульптура – это не детская игрушка, но жизнь и искусство не стоят на месте...

А знаменитый *Danse Macabre*?! Пляска Смерти, часто изображавшаяся в позднее Средневековье на стенах кладбищенских галерей... “Пляска Смерти – это нескончаемый хоровод, где сменяются мёртвые и живые. Мёртвые ведут игру, и только они пляшут. Каждая пара состоит из обнажённой мумии, сгнившей, бесполой, но весьма оживлённой, и мужчины или женщины в одеяниях, подходящих их социальному статусу, с выражением ошеломлённости на лице” (Ф. Арьес. С. 129). Танцы в то время были более естественным проявлением двигательной активности, нежели катание на велосипедах, которых тогда ещё попросту не изобрели.

Да и клоуны на кладбище – это, если разобраться, никакая не новинка, а, наоборот, в какой-то степени возвращение к европейским культурным истокам (опять же с поправкой на время). В 1231 году Руанский собор запретил “под страхом отлучения плясать на кладбище или в церкви”. Это же постановление было почти в неизменном виде повторено на Нантском соборе в 1405 году: всем без исключения воспрещалось плясать на кладбище, играть в какие бы то ни было игры; не должно было быть на кладбище ни мимов (чем не клоуны? – И. М., Т. Ш.), ни жонглёров, ни бродячих музыкантов, ни шарлатанов с их подозрительными ремёслами (Ф. Арьес. С. 92).

Прекрасный новый мир

Однако при всех аналогиях есть и существенная, а вернее сказать, существенная разница. В прошлом все вышеописанные явления разворачивались на фоне общепринятой, узаконенной религиозности. Даже в эпоху французской революции богоборческий пыл робеспьеров и маратов вовсе не охватил большинство французского народа. Да, не все столь мужественно защищали христианскую монархию, как жители Вандеи. Но это не значит, что французы поспешили присягнуть на верность “богине Разума”.

Сейчас же на наших глазах происходит дехристианизация западного мира. Дехристианизация системная, последовательная и в то же время стремительная. Всё очевиднее, что “модераторы процесса” вознамерились вытеснить Христа и всё, чему Он учил людей, из жизни современного общества. Промежуточным этапом на этом пути были подмена понятий, искажение и извращение норм христианской морали. Однако в последнее время антихристианские силы чувствуют себя настолько уверенно, что не считают нужным маскироваться и открыто требуют пересмотра Заповедей. В конце января 2014 года это прозвучало на высоком международном уровне – на 65-й сессии Комитета ООН по правам ребёнка. Комитет потребовал от Ватикана изменить вероучение применительно к проблеме абортов и гомосексуализма. То есть фактически благословить детоубийство и содомские грехи.

Возвращаясь к теме смерти и разговору о существенной разнице, сформулируем это так: Святые Отцы учили христиан хранить память смертную, не забывая о той участи, которая постигает грешников в загробной жизни. “Помни о смерти и вовек не согрешишь”, – наставляет нас Библия (Сирах 7:39). По-

степенно отходя от Бога, человечество пыталось закрыться от памяти смертной, вытеснить её из своего сознания и жизни. Но теперь этот период закончился. *Memento mori*, память смертная вернулась в западное общество и даже стала, можно сказать, его идеей фикс. Компьютерные игры, с пелёнок прививающие детям вкус к убийству, книги, спектакли, фильмы... Само количество “убийственных жанров” весьма показательно: тут и детективы, и боевики, и триллеры, и фильмы ужасов, и “чёрные комедии”. И везде смерть показывается очень изобретательно, красочно, детализированно. Возвращаются и публичные казни. Казнь Саддама Хусейна транслировалась по телевизору, запись убийства Каддафи с последующим надругательством над его телом была выложена в сети интернет.

Когда-то, почти столетие назад, Олдос Хаксли описал в романе “Прекрасный новый мир” неслыханную по тем временам картину приучения детей к смерти. В его проекте будущего это так и называлось: “Смертовоспитание”. Детей приводили в “умиральницу” – палату, где люди проводили последние часы своей жизни, – предоставляя им возможность понаблюдать за “процессом” и параллельно развлекая играми и угощая шоколадными пирожными. То есть давали положительное подкрепление, чтобы смерть ассоциировалась у юных экскурсантов с чем-то совсем не страшным и даже весёлым и приятным. Когда у героя романа по имени Дикарь умирает мать, и он проявляет вполне естественные в этой трагической ситуации чувства, медсестра в умиральнице воспринимает их как “отвратительный взрыв эмоций”. “Как будто, – возмущается она, – смерть – что-то ужасное, как будто из-за какой-то одной человеческой особи нужно рыдать! У детей могут возникнуть самые пагубные представления о смерти, могут укорениться совершенно неверные, крайне антиобщественные рефлексии и реакции”.

Современный западный мир почти реализовал вымысел фантаста. Хотя в хосписы, насколько нам известно, детей на экскурсии пока не водят, но на убийство жирафа с последующим его освеживанием уже приглашают. И толпа ребятишек с любопытством наблюдает за гибелью животного. Только один ребёнок, как рассказывают зрители зверского телешоу, надвинул на глаза шапку, чтобы не видеть душераздирающего зрелища.

Весьма поощряемы в наши дни и молодёжные группировки, в которых пропагандируется ранняя смерть, романтизируются самоубийства и образ смертника-террориста. Да, память смертная вернулась, но только она вернулась в другой мир – отвергающий Бога, уверяющий себя, что Его либо нет, либо Он не такой, как свидетельствует Евангелие. Безбожная память смертная не удерживает от греха, а, наоборот, подталкивает к нему. Большинство людей становятся холодными, чёрствыми, равнодушными, а в ком-то распаляется жестокость, пробуждается дремавший до поры до времени садизм.

“Смеяться, когда нельзя”

Естественно, возникает вопрос: “Зачем?” Зачем современный Запад так усиленно педалирует тему смерти, ломая традиционные табу? Зачем приучает людей – процитируем строчку Цветаевой – “смеяться, когда нельзя”? Судя по всему, это психологическая подготовка к глобальной опустошительной войне, зарево которой уже полыхает в разных точках планеты. Дело в том, что после Второй мировой войны в сознании народов, населяющих земной шар, был создан очень мощный барьер страха перед повторением подобной трагедии и, соответственно, мощного протеста против малейшей попытки развязать новую мировую войну. Не будем вдаваться в исторические подробности. Напомним лишь один общеизвестный факт: в ответ на создание блока НАТО незамедлительно возник военный блок стран так называемого Варшавского договора. И этот противовес, как показало время, достаточно надёжно удерживал горячие (чтобы не сказать “горячечные”) головы “ястребов” от развязывания глобальной войны. Система такого сдерживания была уничтожена вместе с Советским Союзом. Теперь угроза новой мировой войны более чем реальна, и те, кто в ней заинтересован, стараются поскорее разрушить вышеупомянутый барьер страха. Политически это выражается в попытках уравнивать гитлеризм со сталинизмом, обелить и даже героизировать предателей типа Власова и, напротив, унижить и опорочить подлинных героев войны. На наших глазах

в разных странах “вдруг” возникают и стремительно развиваются фашистские движения и организации. Уже замахиваются и на то, что ещё недавно было неоспоримо – на решения Нюрнбергского трибунала. Во всяком случае, постоянный представитель Украины при ООН Юрий Сергеев заявил, что бандеровцы якобы были оклеветаны на Нюрнбергском процессе.

Но кроме политического аспекта, есть и другие. На наш взгляд, чрезвычайно важен аспект психологический. Ломка традиционных стереотипов, особенно в таком важнейшем вопросе, как отношение к смерти и к умершим, невозможна, если в обществе для этого нет соответствующей психологической почвы. Что ж это за почва? Ответить на такой непростой вопрос нам помог, как ни странно, двадцатипятилетний опыт работы с трудными детьми и подростками. У многих ребят в переходном возрасте проявляется весьма своеобразная реакция: испытывая сильную тревогу и страх, они пытаются не просто это скрыть (что вполне естественно – кому хочется выглядеть трусом?), но и всячески демонстрируют свою “крутость”: ёрничают, ведут себя вызывающе и издевательски. Страх при этом никуда не девается, но зато они, как им кажется, его надёжно маскируют злой иронией, цинизмом. В итоге душа их всё больше и больше погружается в пучину безысходности и одиночества. Но гордыня не позволяет им в этом признаться и тем более попросить помощи. Они надевают на себя маску суперменов, а под этой маской прячется заячья, но очень горделивая душа. Душа, которая не взрослеет, не мужает. Такие люди и вырастая, в сущности, остаются теми же псевдосуперменами. О таких говорят: “Молодец против овец...” Дать отпор серьёзному противнику они не дерзают и пытаются (на самом деле тщетно!) заглушить свою бессильную ярость, издеваясь над слабыми.

Именно в этом ракурсе и стоит, на наш взгляд, рассматривать сегодняшний *Danse Macabre*. Уж серьёзней противника, чем смерть, и представить себе невозможно. От него некуда спрятаться – всё равно рано или поздно настигнет. Поэтому своеобразной патологической защитой людей, которых мы описали, – а их современная масс-культура старательно формирует и поощряет! – становится кощунство. Не в силах сразиться со смертью, они открыто или исподтишка глумятся над мёртвыми, которые безответны. Отчасти это напоминает заклинательные ритуалы некоторых первобытных племён. В одном из своих ранних очерков знаменитый колумбийский писатель Габриэль Гарсиа Маркес изобразил такой ритуал: гроб везут на повозке, и когда он подпрыгивает на ухабах, громко хохочут, веря, что таким образом они отгоняют злых духов. Но одно дело – язычники, не просвещённые светом Христовой Истины, и совсем другое – наследники христианской культуры, отвергающие это наследство, как ненужный хлам, который только обременяет жизнь.

И тут начинается проступать силуэт основного “заказчика” новых ритуальных услуг. У всех народов во все времена существовало чёткое различие “свой-чужой”. Своих хоронили с честью. К убитым врагам относились совершенно иначе. Это отношение могло варьироваться от “милости к падшим” до глумления над телом поверженного врага. Над своими **не глумились никогда**. Ни тайно, ни явно. Это было табу.

А тут со своими поступают так, что врагу не пожелаешь! Соответственно, возникает вопрос: для кого все люди – враги? Ответ очевиден. Чем больше человечество отворачивается от Бога, тем вольготней издеваться над людьми врагу рода человеческого. Ну, а то, что многие люди “участвуют в делах тьмы” по неведению, его очень даже забавляет. Ведь он таким образом изошённо глумится и над ними.

* * *

Однажды, отвечая на вопрос, с чего начинается человек, известный грузинский философ Мераб Мамардашвили ответил: “С плача по умершему”. Исходя из этого, смех по умершему – это что, конец человека? Или, точнее, конец человеческого в человеке?